

Константин Бальмонт

ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Стихи о Сибири

ВСКРЫТИЕ ЛЬДА

Вскрытие льда
В устье Амура.
Воет вода
Дико и хмуро.
Там, подо льдом,
Жадность свободы.
Рушат свой дом
Свежие воды.
Хрустнул оплот.
Скрепы чертога
Рухнули. Вот,
Грани порога.
Гулы стропил,
С треском лучины.
Лед – только был,
Ныне – лишь льдины.
Сперлись, хрустят,
С хрипом обиды.
Вырос их ряд
В лик пирамиды.
Льдины ползут,
Сжаты в размахе.
Там они, тут,
В ощупи, в страхе.
Сжатый размах
Грудит их кучи.
Сонм черепах,
Тяжки, могучи.
Только б хоть час
Быть без движенья.
Порван рассказ
Их сгроможденья.
Так суждено,
Вырвалась влага.
Это вино,

Пьяная брага.
Музыка снов,
Рвущихся в море.
Силы валов
В переговоре.
Пьянственный хмель
В царственных чарах.
Радуй, свирель,
Юных и старых!

*Хабаровск,
1916, 13 апреля*

ЛУННЫЙ СЕРП

Лунный серп ушел за гору
И глядит из-за нее.
Спать спокойно мне бы впору,
Сердце милое мое.

О тебе во сне мечтая,
В час течения планет
Над Землей в объятьях мая,
Разодетой в майский цвет.

Но в качании вагона,
Во вращении колес
Слышу звук чьего-то стога,
Тихий шелест многих слез.

И меж тем как поезд змейный
Огибает горный склон,
Не луной благоговейной
Преисполнен полусон.

Разорвалось мирозданье,
В жуткий срыв раскрылась дверь.
Несосчитанность рыданья,
Непредвиденность потерь.

Затуманенные люди,
Ярость пропасти без дна,
О, когда же в новом чуде
Будет новая луна?

*Маньчжурия, КВЖД,
1916, 23 мая*

НАД БАЙКАЛОМ

Над застывшим Байкалом,
Над горами и в боре,
Чарованием алым
Разливаются зори.

На мгновение алы,
Целый час розовея,
Просыпаются скалы,
Неохотно серея.

Вековые изломы
Нависающе-косны.
Здесь для зверя хоромы,
Здесь высокие сосны.

Отошедшим туманом
Обнажаются ямы.
След пробитый кабаном,
Чащ природные храмы.

Кто здесь молится водам?
Что гудит над холмами,
Вековым хороводом
И густыми псалмами?

Это – озером скрыты
Под водою соборы,
Под водой не забыты
Довременные хоры.

*Байкал,
1916, 26 мая*

ВЕСЕННИЕ

Березы, и сосны,
И кедры, и ели,
И ладан тот росный,
Что дышит в их теле, –
Лисицы, и волки,
И лось, и медведи,
И звонкие пчелки –
Все в ласковом бреде.
О, пышные ели,
О, стройные сосны,

Ветрам вы свирели,
Вы все светоносны.
О, кедры, вы мудры,
И песня вам спета,
И вы златокудры,
Играния света.
Я видел, как белка
Хвостом колдовала,
Что в речке, где мелко
Вода прибывала.
И в лесе, где чащи
Весною зелены,
Все чаще и чаще
Цвели анемоны.
Меж синих фиалок,
Еще, не простые,
От солнечных прялок,
Цвели золотые.
И лютик, что жарким
В Сибири зовется,
Был пышным и ярким,
Здесь луч его льется.
И капля росинки,
Качаясь на травке,
Вдруг стала травинке
Головкой булавки.
И вся заиграла
Для радости глаза,
Мерцаньем опала,
Гореньем алмаза.
Как дымка блестела,
Играя и тая,
И к Богу летела,
На выси Алтая.

*Путь к Омску,
1916, 29 мая*

В ЛЕСУ

Я укрылся, точно птица,
Между лиственных громад.
Любовалась медведица
На веселых медвежат.

Малодневные. Четыре.
Оживала тишина.
Их ласкала в свежем мире
Эта первая весна.

Веселясь в звериной ласке,
Кувыркались по траве.
От движенья реют сказки
В каждой детской голове.

Двух братишек их сестрица
Отгузила по спине.
И ворчнула медведица:
«Это видеть любо мне».

А четвертый медвежонок
Был как будто не у дел,
И как будто бы спросонок
Прямо в солнце он глядел.

А от солнца – на поляну,
От поляны – в синий лес.
Пересказывать не стану,
Сколько было всех чудес.

Все, что в мире здесь от Бога,
На своей живет черте.
И звериная берлога
Видит сны о красоте.

*Путь к Омску,
1916, 29 мая*

ТАЙГА

Сто верст пожара,
Откуда он?
Сокрылось солнце в клубах пара,
Затянут дымом небосклон.
Ползет шипенье,
Горит тайга.
Огнистых змеев льется пенье,
И бьет поток о берега.
Вся в синих дымах
И вся в огне,
Приют видений нелюдимых,
Бродяге, ты желанна мне.
Тайга, ты – тайна
В пути слепом.
Твоя нетронутость бескрайна,
В тебе бездомному есть дом.

Подъезжая к Омску,

1916, 29 мая

ЛЕСТНИЦА СНА

Сначала раскрылось окно,
И снова закрылось оно,
А дух опустился на дно.
    И сделалась вдруг тишина
Такою, как ей суждено
    Бывать, если встала луна,
    Молчать, ибо светит она.

Сначала, в сомкнутости глаз,
В тот тихий тринадцатый час,
Возник от луны пересказ,
    Приникших до чувства лучей.
И где-то светильник угас,
    И где-то блеснул горячей.
    Был дух равномерно-ничей.

Потом распустился цветок,
И он превратился в поток,
Беззвучно текуч и глубок,
    Из красок, менявших свой цвет.
И дух он тихонько увлек
    В качавший все тайны рассвет,
    Где путь задвигает свой след.

Тогда зачарованный слух,
Тогда обезумленный дух
Зажегся и снова потух,
    В себя запредельности взяв.
Но тут звонкогласый петух
    Пропел для рассветных забав.
    И росы мелькнули меж трав.

*С.-Петербург,
1916, 5 июня*

ОКОНЦЕ

Я смотрю на волю снова
Из оконца слюдяного.
Непрозрачная среда,
Все же небо сверху звездно,
Светит ночью многогроздно,

И Вечерняя Звезда
Мне является богатой,
Увеличенно косматой,
Словно все кругом вода,
Я, водою тесно сжатый,
Вверх смотрю со дна пруда.

Нет, конечно, я не рыба,
Неуютно жить в пруду,
Но, пока весь мир в бреду,
Здесь я с грезой речь веду.
Снег и лед. За глыбой глыба.
От излома, от изгиба,
В сердце ждущее мое
Светом входит острие.
Пляска ломких алых граней
Держит мысль в цветном тумане.
Греза – жизнь. Вступи в нее.

Радость – быть в своих основах,
Каплей в бешенстве зыбей.
В далях дней доледниковых,
Позабывших, вечно новых,
Смену красок, все скорей,
Видеть в зорях янтарей.
В том свершающемся чуде,
Где лишь после будут люди,
Я смотрю на бег слонов
Я люблюсь с мастодонтом
Беспреградным горизонтом,
В реве близких облаков.

В довременной я Сибири,
Где и ветер в белой шири
Устает порой летать.
Упадет и над беспутным,
Взрывным, вспевным, поминутным,
Чуть смущая тишь и гладь,
Буря спит, ворчунья-мать.
Ветер с ветром. Вон их стая,
У червонного Алтая,
Зацепились за скалу,
И в пещерах тешат мглу,

Снег растаял. Орхидеи
Раскрывают емкость чаш,
Воздух пьют. И мыслят змеи:
«Полночь наша. Полдень наш».
Мамонт шествует мохнатый,
Пышношерстный носорог.
И громовые раскаты,
На скрещеньи их дорог,

В бубен бьют и трубят в рог.
Месяц с солнцем заглянули
В глубь разверстую горы.
Камень к небу вспрянул в гуле.
Час вулкана. Час игры.
Час, что любят все миры.

Золотая крепнет жила.
Солнцезернь. Цветет. Пора.
И луна посторожила,
Чтоб содружно шла игра
Бледных блесток серебра.
Хоть травинки запредельной
В глубь укрылась, в изумруд.
И среди скалистых груд
Огнецвет, как звон свирельный,
Брызнул сказкой там и тут:
Жуть измены влил в опалы,
Тени всех минут – в агат,
И поджег желанья, алый
Влил в рубин, вшепнул в гранат,
В страсть вошел, нельзя назад.
Кто полюбит, тот безбрежен,
Он ведом лучом звезды,
Хоть сидит он, тих и нежен,
У оконца из слюды.

*Москва,
1917, 16 декабря*

СОРОКА

У сороки странный фрак.
Пусть бы черный. Это так.
Но, чтоб фрак был черно-белый,
И на бабе ошалелой,
На нахальной и такой,
Что, едва ты в лес ногой,
Так стрекочет и хохочет,
Точно черт ее щекочет.
Ты из каторги бежишь,
В глушь тайги, в лесную тишь.
Ты бежал. Не тут-то было!
Все кругом заголосило.
В ликованьи ста сорок,
Будешь пойман в быстрый срок.
Бойся бабьего восстанья,
Ведьм крылатых стрекотанья.

*Сэн-Брэвен-Сосны,
Бретань,
1921, 10 августа*

ГЕОРГИЮ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Тебе, суровый сын Сибири,
Что взором измерял тайгу,
Привет в изгнанническом мире,
На отдаленном берегу.

Ты выпытал в крестьянской доле,
Как творчески идет соха,
В как в страдании и неволе
Тоска взмывает взлет стиха.

Ты видел, мысля и мечтая,
Какого требует труда
В горах червонного Алтая
Золотоносная руда.

Ты принял светлы талисмана
В пурге, прядущей долгий вой,
В гортанном говоре шамана,
В котором крик сторожевой.

И, много раз в тоске немея,
Душой богат, но долей сир,
Ты восхитился ликом Змея,
Который весь объемлет мир.

Не тем, с кем говорила Ева,
Кто яд из пропасти исторг,
Ему я не спою напева,
И ты не подаришь восторг.

Мой Змей вздымает океаны,
Он говорит через тайфун,
Им уготованные раны
Я утоляю звоном струн.

Его могучие извивы
В сибирских видел я лесах,
Где изумрудные заливы
Лелеют творческий размах.

Где ствол раскидистого кедра
Как довременный исполин,
И, затаясь в земные недра,

С алмазом говорит рубин.

Да будет завтра день твой новый –
Как матери родимой зов
Туда, где реки бирюзовы,
Где много милых голосов.

А ныне с возгласом приветным
Ты, разглядевший тайный лик,
Прими в Провансе многоцветном
Бретонской чайки властный крик.

*Сэн-Брэвен-Сосны,
Бретань,
1922, 11 февраля*

ГЕОРГИЮ ГРЕБЕНЩИКОВУ

Когда в прозренья сна немого,
Таясь в постели, как в гробу,
Мы духом измеряем снова
Всю пережитую судьбу, –

Передвигая все границы
Того, что понимаем днем,
В лучах нездешней огневицы
Мы силой бывшего живем.

Мы ведаем, что существуем
Не от среды до четверга,
И дух наш радостью волнуем,
Все раздвигая берега.

Душа – ответ. И мы не спросим,
Мы видим в четких письменах,
Что там, где древле был ты лосем,
Я белкой в тех же был лесах.

Когда с рассветом дымно-алым
Ты пил студеную волну,
Над тем же плещущим Байкалом
С сосны я прыгал на сосну.

Ты, чувствуя, что близко волки,
Был изваяньем пред врагом,
А я сосновые иголки
Сбивал играющим прыжком.

Терялись волки в дикой слежке,

Ты мерно шел по склону вниз,
А я кедровые орешки
Проворными зубами грыз.

Когда ж все в мире было тихо,
Был пляс в зверином сердце ал:
С тобой – покорная лосиха,
Я белкой с белкою играл.

И, острый коготь в ствол вонзая,
Взбегал я, хвост свой распушив,
И, тишь прервав лесного края,
Твой зычный голос был красив.

Ты смотришь в зеркало возврата?
Есть в сердце тысяча очей.
Наш лес, где были мы когда-то,
Он до сих пор еще ничей.

В тысячелетьях потонули
Тот лик, тот бор, тот день, тот час.
Тогда мы не дождались пули,
Теперь облава против нас.

Но в нас живет душа живая.
И зыбим солнечный мы смех,
Ты – словом целину взрывая,
Я – в стих роняя красный мех.

*Париж,
1923, 25 февраля*

РУССКИЙ ЯЗЫК

Язык, великолепнейший наш язык,
Речное и степное раздолье.
В нем клетоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу выше, выше.
Березовая роща, свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.

Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий на дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.

И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодежи.
Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном – бег зарницы.

Костер бродяг, за лесом, на горе.
Про Соловья-разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины.

Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска мирною рысцой.
Летит рысак конем крылатой сказки.

Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска острее стали.
Здесь хорошо. А там смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.

Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжачий.
Баю-баю. Мой милый! Ты уснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.

Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем – там в синем, – о родном пороге.

Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?

И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Теснее, други!»
Тебя потопит льдяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.

Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес в степи.

Гремучим сновиденьем наяву,
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С янтарным морем в вечном договоре.

Ты клад найдешь, которого искал.
Зальешь и запоешь умы и страны.

Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?

Добросил ты свой гулкий табор-стан,
Свой говор, златозвонкий, среброкрылый,
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.

Ты вскрикнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вместишься в малый вздох.
Но завтра – встанет! С молнией и громом!

*Шатэлейон,
1924, 3 июля*

ТРИНАДЦАТЬ

Леониду Тульпе

В тайге, где дико все и хмуро,
Я видел раз на утре дней,
Над быстрым зеркалом Амура
Тринадцать белых лебедей.

О нет, их не тринадцать было.
Их было ровно двадцать шесть.
Когда небесная есть сила
И зеркало земное есть.

Все первого сопровожда
И соблюдая свой черед,
Свершала дружная их стая
Свой торжествующий полет.

Тринадцать цепью белокрылой
Летело в синей вышине,
Тринадцать белокрылых плыло
На сребровлажной быстрине.

Так два стремленья в крае диком
Умчались с кликом в даль и ширь,
А солнце в пламени великом
Озолотило всю Сибирь.

Теперь, когда навек окончен
Мой жизненный июльский зной,
Я четко знаю, как утончен
Летящих душ полет двойной.

*Шатэлейон,
1924, 10 июля*

СИБИРЬ

Леониду Тульпе

Сибирь – серебряное слово.
Светясь, ему сказать дано,
Что драгоценней в ней основа:
В Сибири золотое дно.

И златоверхого Алтая
Заря, смотря и в высь, и в ширь,
Гласит, под солнцем расцветая,
Что будет вольною Сибирь.

*Капбретон,
Ланды,
1931, 10 ноября*

ЗИМНИЙ ЧАС

Зяц, выторопень серый,
Разговаривал с Зимой.
Говорил он: «Ты без меры
Нежный мех морозишь мой».

А она ему: «Голубчик,
Ты померзни, ничего.
Так нарядней твой тулупчик,
Чисто держишь ты его».

И зимой прозрачней воздух,
Мягко стелются снега.
Для зверья лесного роздых,
Дальше чувствуешь врага.

Сердце заячье – лишь в слухе,
Косоглазый полуслеп.
Но ушканчик остроухий
Скрылся, хмурый, в свой вертеп.

Там ждала его зайчиха,
Наготовила тепла.

Лес молчит, и тают тихо
В синеве колокола.

Завтра праздник богомольный,
Синь над снегом небосклон.
Близко слышен недовольный
Крик скучающих ворон.

Как боярыня седая,
К людям шествует Зима,
Лютой стужей расцветая
Опушенные дома.

*Капбретон,
Ланды,
1927. 3 февраля*

ЗЛАТОРОГИЙ

Златыми рогами, златыми рогами
Весь двор освещу...

Пермская песня

Клок ущербной Луны, переметная тень,
На широких полях белоснежны снега,
Словом сказки одет, пробегает олень,
Свет копыт серебро, золотые рога.

Закрутилась метель от полей до полей,
Лунный клочок стал не клочок, взвейных светов поток,
Золотые рога замелькали быстрей,
И хрустит по снегам четверной среброскок.

На мгновенье олень призамедлил свой бег,
Приутихла метель, проблеснули снега,
Вовсе стал, и растут, озаря весь снег,
Золотые рога, золотые рога.

От небес до небес по снежистым полям
Переметная тень пробежала на склон,
Опрокинулась в яр, взвился снег по краям,
И зареял вокруг златозвук, светозвон.

У оленя во лбу та блистает звезда,
Что водила волков до чужих берегов,
И вещают о той, мысль о ком – навсегда,
Золотые рога, крутоветви рогов.

*Бордо-Буска,
1928, 17 декабря.*

БУБЕН

В медный бубен ударяя,
Звонко сокола он пел:
«Птица – пламя, птица – злая,
Птица – Солнце, сокол – смел.

Он в горячем перелете
Сразу небо пресечет.
С ним добыча на охоте –
В полный месяц – полный счет.

Месяц срезанная щепка –
Счет добычи без него.
Бьет он метко, бьет он крепко,
Не пропустит никого.

Он недолго ведал руку,
Призакрытый клубучком.
Знает меткую науку –
Громом падать над врагом.

Заяц рябью метит тропы,
Путь для цапли вышина,
Ветер в беге антилопы,
От него им смерть одна.

Голубь гулил – тикал – такал,
Млел, что синь на ярлыке.
Чуть мелькнул мой белый сокол,
Голубь – вот, в моей руке.

Не продам я птицу эту,
Дорожишься, путник, зря.
Он был послан Баязету,
В выкуп франкского царя.

Кубла-хан перелукавил
С ним три тысячи лисиц.
Сам персидский шах восславил
Хватку молнию меж птиц.

Впился в Индии он с маху
В крепковью кабану.
Ты даешь мне денег? Праху?
Лучше я продам жену!» –

Так киргиз напев сугубый
Вдруг нашел, чтоб мне пропеть.
И, смеясь, белели зубы,
Златом в бубне рдела медь.

Зыком в небе многотрубно
Вскликнул голос журавлей.
Звуки песни, всплески бубна
Воскрылялись все светлей.

Зависть к дикому киргизу
Я учуял, весь горя,
В час, как в огненную ризу,
Облеклась в степи заря.

*Капбретон,
Ланды,
1927, 4 марта*

ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Геorgию Гребенщикову

В этих минутах, залитых
родимым солнцем, зелено-голубых
от леса и небес...
*Гребенщиков,
Трубный глас, гл. 3*

Неоглядная равнина от стальной,
далекой щетины леса до голубой
подковы небосклона...
*Гребенщиков,
Сто племен с единым, гл. 3*

1

Солнцезахваченным бродил я много в мире,
В тех странах, где на всем лишь солнечный закал.
Но жаром он и там, в раскинутой Сибири,
Где внутренним огнем всегда кипит Байкал.
Сибирские леса – земная небу риза,
В разлитии степей сверкает песнь, звонка.
Там братски полюбил я легкого киргиза
И дымнотеплую кибитку калмыка.
Там каждый, подходя, мне улыбался вольно,
Там каждая душа собой являла ширь.
В фиалках, в ландышах, невестна, хлебосольна,

Простором исполин, великая Сибирь.
А пирамиды льда при вскрытии Амура,
А чаши орхидей, где думал чують цепь.
Алтай. Полет орла. Два дня, что смотрят хмуро.
Семь дней – златоогонь. Вся солнечная степь.
Но я сейчас в стране, где мысли в узких путах.
Тоскою длительно. Дух жизни здесь исчез.
И лишь с тобой опять я в солнечных минутах.
Зелено-голубых от леса и небес.

2

Ты сто племен с единым в гуле звона
Качнул, их замыкая в мудрый сказ.
До голубой подковы небосклона
Зажегся снежный пламень и не гас.
Чубек, рыбак, любимец Енисея,
Их три – Чубек, тайга и Енисей.
Без слов поет Чубек, шаманно млея,
О рыбине с жемчужиной очей.
А у жены Чубековой есть шубка,
Не сосчитать оленьих лапок в ней.
Чубекона жена – она голубка,
Чубек же, голубь, хан средь голубей.
Но царь послал поклон до Енисея,
Чубек оставил чум свой и жену.
Прощай, тайга. От блессток снега млея,
Чубек на лыжах мчится на войну.
Там далеко, где льды – хрустальным лугом,
Где вьет пурга над Леной вой и гул.
Средь сполохов, там за полярным кругом,
Без солнца бьет песцов якут Туртул.
Из узких глаз зрачки – как звезды ночи,
«Поход. Война. Зовет тебя сам царь».
Якутский день – полгода, не короче,
И ночь якута долгая, как старь.
И мысль якута – снежные туманы,
Метель ведет напев в одну струну.
Цари якутских сказок щедры, пьяны,
Туртул на лыжах мчится на войну.
Царицы дочь, красавицы Ангары,
Байкала внучка, Енисей – жених,
Рекой Тунгуской все зальем пожары
В душе тунгуса. Сны? Зальешь ли их.
Тунгус поет так тонко и певуче,
Не различишь, не ветер ли поет.
Спит наяву. В одной все звезды куче.
Всех любит он. Душа его как мед.
Уйби-Кута, тунгус, ребенок малый,
«Помочь царю» он понял мысль одну,
«И вновь к невесте, в куст малины алой».

Уйби-Кута уходит на войну.
Так всех – так всех – обманом – заманила
В свое жерло свирепая война.
И сто племен с единым – это было,
Но тех племен вся сказка – где она?
От леса, где мы спим, в разгуле звона.
Мы, мертвые, среди бездушных плит,
До голубой подковы небосклона
Зажегся вещей пламень – и горит.

*Кламар,
Сена,
1934, 12 мая*

МОЯ ЛЮБОВЬ

Вступая в мир, мы в дом вступаем отчий,
Нас нежит мать, баюкает нас няня,
Роняет нам свой свет и отсвет счастье.
Родная речь промолвит нам: «Желанный!»,
Всех звезд в мечты нам набросает полночь,
Привет тебе, моя любовь, Россия!

Из всех былин желанней мне Россия,
Взгляд матери и кроткий голос отчий,
Заря с зарей, им чуть раздельность – полночь,
Июнь прозрачный, что-то шепчет няня,
Дремлю, горит лампадки свет желанный,
И свет и тень – во всем ребенку счастье.

Галчонка принесли, какое счастье.
Простых подарков не сочтет Россия.
Кормить галчонка – пир души желанный,
С птенцом дитя играет в разум отчий,
И сказку мне рассказывает няня,
Что сокол – день, а ворон с галкой – полночь.

Смеясь на волю выпустил я полночь,
И сердцем знал, что в черных крыльях счастье,
О светлых птицах досказала няня,
Жар-птицей назвала себя Россия,
И разве не костер – весь дом мой отчий,
И разве не огонь – наш гость желанный!

Кто сделал так, что весь мой свет желанный
Упал в нерассекаемую полночь?
Из далей запредельных образ отчий
Вернет ли мне мое родное счастье?
Леса, поля, калина, степь – Россия,

На грани лет ты будешь ли мне – няня?

Там где-то между звезд чуть шепчет няня:
«Терпи, терпи, твое придет, желанный!».
Тоска к тоске, мне мечет клич Россия,
Чтоб я не закреплял тоскою полночь.
И край чужой, мне не даруя счастья,
Дает мне страсть любить лишь край мой отчий.

Мой дом, мой отчий, лучших сказок няня,
Святыня, счастье, звук – из всех желанный,
Заря и полночь, я твой раб, Россия!

*Париж,
1926, 9 мая*

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 5.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>